

АКЦИЯ "НОВОЙ" ВЫ ИМЕЕТЕ ПРАВО НЕ ХРАНИТЬ МОЛЧАНИЕ

1 Считаете ли вы необходимым выразить свою общественную позицию, если не согласны с тем или иным решением властей предержащих? Или достаточно просто заниматься своим делом?

— Я никогда не воевал с государством, но всегда пытался говорить правду о нашей жизни. Достаточно посмотреть мои фильмы, которые порой очень не нравились верхам. Но высшим эшелонам правда всегда не нравится — кто же ее любит? Правда — это уже выражение позиции. Много лет назад в Киеве на объединенном пленуме всех творческих союзов, который проводился в зале Верховного совета Украины на правительственном уровне, травил замечательного писателя Виктора Некрасова. На трибуну он поднялся в полном молчании, ответное слово было очень коротким. Некрасов сказал, что право писать правду он завоевал в окопах Сталинграда. Обратно он шел как сквозь строй. Фронтовику кричали: «долой!», «позор!», «антисоветчик!».

Сам я тихой сапой всегда старался гнуть свою линию. В самые разные времена удавалось снимать то, что хотел. Ну, скажем так, почти удавалось. Не мне оценивать качество сделанного, но приятно было услышать недавно от Гии Данелия, что он, сколько ни смотрит мои картины, фальши не обнаруживает.

2 Может ли голос творческой интеллигенции что-то изменить в сегодняшнем российском общественном климате?

— Думаю, что не может. Но стремиться к этому надо.

3 Есть ли для вас в этой среде знаковые фигуры, к мнению которых вы прислушиваетесь или кого бы хотели услышать?

— Для меня недостижимой остается фигура Андрея Дмитриевича Сахарова. Он имел силу и мужество говорить обо всех болячках и проблемах нашего общества и из ссылки, и с высокой трибуны. Может быть, в силу некоторой оторванности от общественной жизни из ныне живущих не могу никого назвать.

4 Определяется ли личное благополучие художника степенью его лояльности к власти либо к корпоративным структурам? Можно ли быть благополучным оппозиционером?

— Смотрел по ТВ сюжет о вручении правительственных наград деятелям культуры. В их числе был Борис Васильев — фронтовик, замечательный писатель, не замеченный в каком-то угодничестве перед властью, был Фазиль Искандер — достойнейшие люди, и кто не согласится с достойной оценкой их труда?

Мне не стыдно ни за Государственную премию (за фильмы «Военно-полевой роман», «Анкор, еще анкор!», «Какая чудная игра»), ни за ордена, которыми был награжден уже в новейшие времена. Получал их не в связи с юбилеями и не потому, что ситуация изменилась, а — належась — за работу.

5 В советские времена в ходу было понятие «государственный заказ». Как он трансформировался сейчас и насколько такого рода «обслуживание» является для вас приемлемым?

— Госзаказ в той или иной степени всегда был конъюнктурой, это заложено в его природе. Сейчас подобная тенденция, пусть и не такая явная, тоже существует. Кому не приятно, когда его хвалят? Правда, талантливому поколению нынешних 40-летних, снимающих сильное и искреннее кино, трудно этим руководствоваться.

6 Как соотносится для вас понятия «материальное благополучие» и «совесть художника»?

— Очень сложный вопрос, каждый решает его по-своему. В свое время я снял фильм, героем которого готов потерять и материальные блага, и даже любимую женщину только ради того, чтобы остаться самим собой. Потому что иначе просто не может. Говорю о «Фокуснике», порезанном и переозвученном.

Хлеб и искусство — проблема вечная, болезненная и многослойная. В конце концов, Рафаэль и Леонардо да Винчи тоже работали на заказ. Но материальные или какие-либо иные подробности сделки давно никому не интересны, а шедевры художников стали достоянием человечества.

7 Можно ли считать укрепление властью вертикали новой российской идеологией? Видите ли вы в этом опасность для демократических ценностей?

— Понимаю, что какой-то порядок наводить нужно: уж больно расхлябанно и безответственно начались и продолжались преобразования. Они требовали постепенности, элементарно разумного подхода, необходимости в какой-то момент сказать «стоп», осмотреться и не все вываливать за борт — но ни такого человека, ни таких сил в стране не

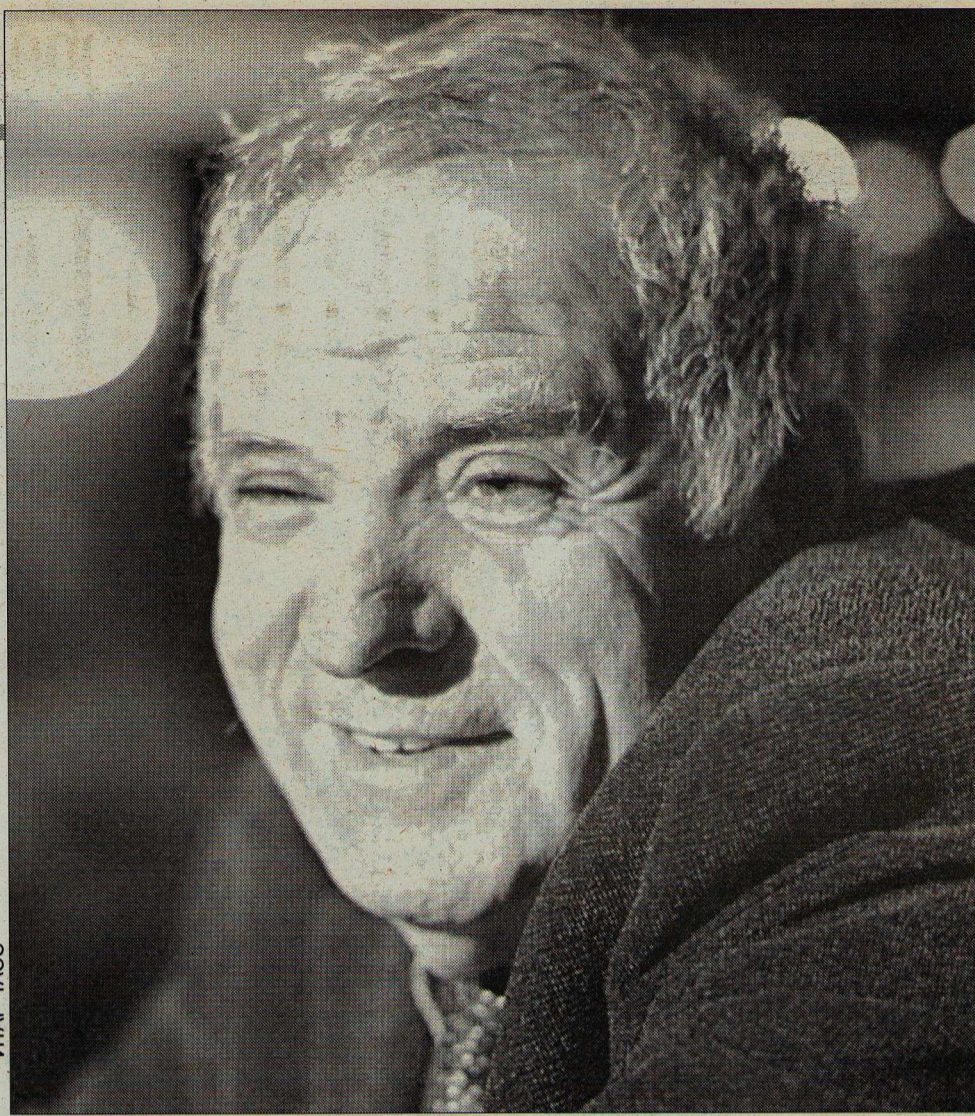
нашлось. В результате мы получили то, что получили: социальное неравенство, потерю нравственных ориентиров и понимание демократии как отсутствия порядка.

Но некоторые способы его наведения, в частности построение пресловутой «вертикали власти», вызывают большие сомнения. Не говоря уже о том, что с ТВ практически исчезает прямой эфир. Есть тенденция к закручиванию гаек — но так, как прежде, их уже не закрутить.

8 Возможна ли такая ситуация, когда эзопов язык и «фига в кармане» снова станут инструментом в руках художника и способом общения с аудиторией?

Петр ТОДОРОВСКИЙ,
народный артист России,
кинорежиссер

ИТАР-ТАСС

Водка, ножницы, ацетон — все, что нужно, чтобы вернуть достоинство

— Возвращение возможно при возвращении диктатуры, а по поводу ее перспектив я уже высказался.

По части использования эзопова языка у нашего поколения большой опыт. Каждый в той или иной степени использовал приемы, как обойти цензуру, в том числе и совершенно фантастические.

Первая моя режиссерская работа «Верность» еще на стадии сценария должна была получить «добро» в Главном политуправлении армии и флота, знаменитом Главпуре. Эпизод принятия присяги, который я пытался решить нетривиально, вызвал у них большие сомнения, и в качестве обязательного элемента мне было строгойше предписано доснять, «как надо»: парадная шеренга, слова клятвы и т.д.

И вот на Венецианском кинофестивале в середине 60-х после первого просмотра в полдень была пресс-конференция, а вечером уже вышли газеты. Фильм хвалили, вот только сожалели об этом злословном эпизоде с присягой — он был назван «пропагандой». А назавтра — конкурсный просмотр. Что делать?

Взял пол-литра водки, пошел к их кинемеханикам. Объяснил, что к чему, монтажный стол там был, ножницы при мне, я этот эпизод аккуратно вырезал и ацетоном склеил пленку (по звуку все проходило, к счастью). На следующий день после просмотра подходят ко мне с вопросами: где эта сцена, за которую меня разнесли? Отвечаю: понятия не имею, что критики имели в виду.

Марлену Худиеву пришлось тяжелее с «Заставой Ильича», которая была вся покорежена, начиная с перемены названия («Мне двадцать лет»). Ему для того, чтобы осуществить тайную операцию и вырезать самые одиозные поправки, пришлось уже две бутылки водки брать и целый день сидеть с переводчицей. Было 16 частей, стало 14. Все эти рулоны от греха подальше, чтобы никто не знал, выбросил в какую-то канаву Хо-

рошо, что это осталось только нашим секретом и сошло с рук.

9 Есть ли сходство нынешнего отношения государства к культуре с его отношением в советские времена?

— Разное время и, соответственно, разное отношение. Раньше было много всяческого маршала, в сценарий каждая шавка могла потребовать внести любую поправку. На Одесской киностудии я всего этого хлебнул изрядно — до запуска будущего фильма проходил массу инстанций, каждая сообразно вкусу и интеллекту (или при отсутствии оно) что-то «поправляла», после чего сценарий порой было уже не узнать. При сдаче начиналась новая история, также приносившая немало страданий. Но что касается денег — у нас не было заботы, откуда они появляются. Мы об этом не думали.

Сейчас в кинематографе было цензурного гнета, конечно, нет. Но даже если удается получить государственные средства, их, как правило, не хватает. Начинается поиск — масса разного рода драматических коллизий, прежде нам совершенно незнакомых.

10 В чем сегодня миссия культуры и насколько вы ощущаете необходимость лично вашего «миссионерства»?

— Времена очень противоречивые. С одной стороны, поистине бесценные обретения — от свободы передвижения до духовной свободы (как ни приятно вспомнить молодые годы, мы, если взглянуть беспристрастно, жили в большом бараче). С другой — озверение, погоня за материальными благами, дефицит доброты и сочувствия, разобщенность общества, падение ценности человеческой жизни (хотя она всегда у нас не очень-то и ценилась — я прошел войну и знаю, о чем говорю), колоссальный разрыв между богатством и бедностью...

Конечно, вскрывать язвы, чтобы помочь власти и обществу их лечить, — не самая

последняя из миссий искусства, хоть и достаточно безнадежная.

Я как человек надежды предпочитаю менее глобальные категории и просто делаю то, что помогает людям сохранить доброту и веру.

Вне программы

— Петр Ефимович, вам не кажется, что предстоящее 60-летие Победы в Великой Отечественной войне тоже используется в качестве идеологической кампании?

— Возникает такое ощущение, хотя оно и неоднозначное. Понятно, что 60-летие — огромная кампания, в которой есть место всему — и святому, и спекуляциям. Дата не такая уж круглая, но других оснований для проявления патриотических чувств и сплочения нации не так уж много. Это можно использовать в каких-то своих целях. Но общественной памяти манипулировать трудно.

Меня война не отпускает. Она меня держит. Вот почему постоянно к ней возвращаюсь. Я видел много крови, смертей, несправедливости — но ужас войны никогда не был для меня самоцелью. В последней по времени работе, фильме «В созвездии Быка», есть только отголоски сражений — деревня, в которой происходит действие, оказалась в прифронтовой полосе, и туда залетела пара шальных снарядов. Я рассказываю о том, как проявлялись люди, жившие в нечеловеческих условиях, об их отношениях и о том, что помогало им оставаться людьми. История в чем-то автобиографическая (потому она мне так дорога) и совершенно частная, как и все мои картины, но через частное порой можно разглядеть больше...

● Ведущий рубрики
Владимир МОЗГОВОЙ

Тодоровский Петр (по фильму Россия, Россия)

142